

Новая рубрика: побывальщины

Под этой рубрикой читайте короткие, порой смешные рассказы, всамделишную быль о наших писателях, отложившуюся в памяти коллег по перу. Открываем рубрику с побывальщин из жизни Ахата Мушинского, который отмечает в этом году своё 70-летие

134

Фуга

Нынче широко отмечается 70-летие известного татарского писателя, пишущего на русском языке, просветителя, общественного деятеля и по совместительству художника Ахата Мушинского. Перечислять все его заслуги не стану. Любой без труда может отыскать их в Книге рекордов Гиннеса. В звёздной плеяде наших писателей уважаемый юбиляр, безусловно, один из самых достойных.

(Прошу аплодисменты!)

Лично мне сильно повезло в жизни: я был рецензентом и редактором трёх замечательных романов многоуважаемого Ахата Хаевича.

Всего один пример. «Записки горбатого человека», 199... – не припомню, какой год. Честно говоря, моя редакторская работа свелась к тому, что с первой же строки я с головой погрузился в яркую, самобытную реальность, созданную незаурядной фантазией автора. И очнулся, только перевернув последнюю страницу. Редактировать что-либо в этом, безусловно, прекрасном тексте оказалось не нужно. Но самое поразительное, чего ни разу не приходилось встречать даже в лучших образцах мировой литературы, это способ построения, своего рода архитектура романа. По принципу фуги. Даже возникло подозрение, что сам автор ни малейшим образом по мере написания не пони-

мал, что крепко ухватил и держит Бога за бороду.

С этими подозрениями, прихватив по пути пузырь, я отправился к многоуважаемому Ахату Хаевичу за разъяснениями. Не стану вдаваться в подробности нашего с ним разговора, но я отлично понял, что, хотя и был он сыном оперной певицы, ни о какой фуге дружок мой не имел ни малейшего представления.

Но ведь сделал!

Естественно, возник вопрос: разве можно что-то сделать, не имея об этом абсолютно никакого понятия? Вывод напрашивался сам собой: несведущей рукой автора гениальный текст его ваял сам Бог.

Но почему Всевышний выбрал Мушинского и именно его рукой творил «Записки горбатого человека»?

После второго пузыря, который гостеприимный хозяин добыл из недр старинного серванта, я, наконец, покинул его однокомнатную квартиру. Но с порога промычал на прощание что-то типа:

– Да ты гений, батенька! Я тебя уважаю. По-ял?

Когда я уже спускался, цепляясь за перила лестницы, в ответ донеслось запоздалое:

– А что ты... фуга да фуга? К чему ты это, не по-ял?

*Лев Кожевников,
лауреат Державинской премии*